

Болгаро-татарские аппроксиматы

Луиза К. Байрамова (Казань)

Термином аппроксиматы автор обозначает болгарские и татарские лексемы, восходящие к одному общему этимону. В статье предлагается классификация исследуемого материала на базе семантических и стилистических критериев.

Approximates is the author's term for lexical items in Bulgarian and Tatar leading back to the same etymon. She offers a classification of the lexical material under investigation based on semantic and stylistic criteria.

Османское господство в Болгарии, как известно, оставило большой след в болгарском языке и породило продолжительную борьбу с турцизмами, которая велась, как справедливо указывают исследователи, “в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций” [Венедиктов 1992: 6]. Однако в болгарском языке до сих пор сохранился относительно большой пласт ориентальной лексики, которая представлена следующими лексико-семантическими группами:

1. Соматизмы. Части тела. 2. Здоровье. Болезни. Лекарства. 3. Яства. Пища. Продукты. 4. Напитки. 5. Портрет человека. 6. Одежда. 7. Украшения. Ювелирные изделия. 8. Музыкальные инструменты. Мелодии. Песни. 9. Деньги. Расходы. Доходы. Долги. Оплата. Налоги. 10. Статус человека (семейный, социальный, административно-общественный, военный, профессиональный). 11. Обидная характеристика человека. 12. Ландшафт. 13. Растения. Кустарники. Деревья и плоды. 14. Фауна. 15. Религиозная лексика [Байрамова 2007].

Мы проанализировали болгарские ориентализмы (турцизмы) и их татарские параллели, то есть *межъязыковые ориентализмы-аппроксиматы*. (Этим названием подчеркиваются, во-первых, ориентальное (восточное) происхождение исследуемых языковых единиц, а во-вторых, – их не абсолютное тождество, а приблизительность; лат. *approximatio* – приближение).

По нашему материалу, 1076 турцизмов болгарского языка имеют 794 словообразовательных деривата, то есть можно говорить о наличии в болгарском языке около двух тысяч (1870) лексем-турцизмов. При этом если учесть, что архаизмы и историзмы относятся к пассивной лексике (по нашим данным – их 435 единиц), то активно функционирующие в болгарском языке турцизмы составляют 1435 единиц, то есть около 1500 лексем.

Что касается фразообразовательной активности турцизмов в болгарском языке, то, по нашим данным, на 1076 турцизмов приходится 1027 фразеологизмов, компонентами в которых являются 327 турцизмов.

Сопоставление турцизмов болгарского языка с татарскими параллелями показало, что общими для болгарского и татарского языков являются 434 лексемы, которые имеют в татарском языке 759 лексических дериватов и входят в 664 фразеологические единицы как их компоненты. Сравнение этих данных с данными по турцизмам в болгарском языке показывает численное превышение единиц татарского языка над болгарскими, что естественно для языка, развивающегося по своим внутренним законам, тогда как турцизмы в болгарском языке – заимствования, определенная часть которых пустила глубокие корни.

При этом обращает на себя внимание очень важное обстоятельство: воплощение в жизнь пуристических позиций было связано как с объективными, так и с субъективными аргументациями.

К объективным, лингвистическим аргументациям относится, например, этимологическая затемненность внутренней формы турцизма. Так, слово *самсар* (тур.

sansar – белка) – ‘белка’ вытеснено българскими словами *катерица*, *катеричка*, внутренняя форма которых раскрывается их связью со словами: *катерене* – ‘карабкание вверх’, ‘влезание’; *катеря се* – ‘карабкаться’, ‘взбираться’; *катерач* – ‘альпинист’, ‘горный турист’.

Субъективным, но естественным социолингвистическим аргументом для пуристических позиций – очищения болгарского языка от ориентализмов – является отрицательный след в исторической памяти болгар, оставшийся от времени османского господства. Факты из истории развития болгарского языка раскрывают эти пуристические тенденции.

Например, субституция турцизма болгарским словом может быть обусловлена национальными символами. Примером является турцизм *арслан* / *аслан* (тур. *aslan* – лев), вытесненный в болгарском языке словом *лъв* (устар. *лев*, ибо лев как деталь болгарского герба служит символом болгарской государственности; денежная единица Болгарии называется так же – *лев*).

Лексема *лев* нередко употребляется в контексте, когда говорится о патриотизме болгар:

„...*революцията изисква мъжка сила, кръвожадност, безпощадност*
... *а ти си ангел същи... Ти извърши вече дълга си: левското знаме, дете изработи твоята ръка, ще ни разпаля и въодушевява... Това е доста за една българска мома...*”
[И. Вазов. Под игото]

„...*Братя, тия за балканския лев!*” [И. Вазов. Под игото]

С национальными символами связаны и такие реалии, как знамя, флаг, которые раньше в болгарском языке именовались турецким словом *байрак* (перс. *beyrak*, тур. *bayrak* – флаг, знамя). Флаг является символом государства, и это обстоятельство не позволяет оставлять турецкое слово, вместо которого в современном болгарском языке употребляется лексема *знаме*. (В приведенном выше контексте из романа И. Вазова «Под игото» использовано сочетание *левското знаме*).

В татарском языке лексемы *арслан* – ‘лев’, *байрак* – ‘знамя’, ‘флаг’ активно функционируют, имеются и словообразовательные дериваты: *байраклы* – ‘знаменный’, *байракчы* – ‘знаменосец’.

Что касается сохранения турцизмов в болгарском языке, то здесь, на наш взгляд, большую роль сыграло несколько факторов: лингвистический, экстралингвистический, в том числе и социолингвистический факторы.

Лингвистический фактор проявляется очень многообразно и связан с системно-уровневой организацией языка: турцизмы заимствовались в основном как лексемы, которые на почве болгарского языка реализовали свой деривационный потенциал на семантическом, словообразовательном и фразеологическом уровнях. Поэтому, когда некоторые из них впоследствии были заменены славянизмами, интернационализмами или архаизировались, они продолжали и продолжают функционировать как компоненты фразеологических единиц, в виде словообразовательных дериватов или как заново переосмысленные лексемы с иной, в основном с отрицательной коннотацией.

Так, например, вышеупомянутая лексема *байрак*, вместо которой употребляется слово *знаме*, является компонентом ряда фразеологизмов имеющих оттенок историзмов: *вдигам байрака* – поднимать знамя; *вдигам бял байрак* – сдаваться; *побивам байрака* – водрузить знамя; *развявам байрака* – поднимать знамя (подниматься на борьбу); *развявам си байрака* – 1) бесчинствовать; 2) разворачиваться вовсю; 3) разг. он (она) ведет непристойный образ жизни, не считаясь ни с чем; *свивам байрака* – сложить оружие; а также имеет ряд словообразовательных дериватов *байрактар* – 1) знаменосец; 2) зачинщик, вожак; *байрактарка* – 1) женщина-знаменосец; 2) зачинщица; *байраче* – флажок. Эти фразеологизмы используются теперь либо при описании исторических событий, либо с оттенком иронии.

Сохранение турцизмов в болгарском языке обусловлено, с одной стороны, употреблением фразеологизмов с компонентом-турцизмом, а с другой – наличием словообразовательных дериватов, значения которых появляются уже на болгарской языковой почве и лишь отдаленно напоминают о своей деривационной базе.

Подобный путь сохранения турцизма в болгарском языке прошел и историзм *еснаф* (тур. *esnaf*) – 1) цех, гильдия; 2) член цеха, гильдии. Его семантические и словообразовательные дериваты функционируют в современном болгарском языке: *еснаф(ин)* – мещанин; *еснафка* – мещанка; *еснафски* – мещанский; *еснафство* – мещанство; *еснафщина, пренебр.* – мещанский менталитет.

Отметим, что сохранению турцизмов в болгарском языке способствуют и некоторые говоры болгарского языка, особенно родопские.

Устаревшие или вытесненные славянизмами турцизмы могут продолжать функционировать как новые слова (*чалга* – ‘вид популярной музыки на фольклорной основе’); чаще они функционируют в новом значении с отрицательной коннотацией – как обидная характеристика человека: лексема *гюлле* в значении ‘снаряд, ядро пушки’ устарела и вместо нее употребляется слово *снаряд*, а *гюлле* функционирует как спортивный термин ‘ядро, метательный снаряд’ или как ‘обидная’ характеристика очень полного, очень глупого и невосприимчивого человека. Подобных примеров в болгарском языке достаточно. Болгарскими исследователями создан словарь так называемых обидных слов и выражений – ‘Речник на обидните думи и изрази в българския език’ (1994), включающий 3 000 языковых единиц, из которых около двухсот слов являются турцизмами.

Таким образом, одна из активных функций ориентализмов в болгарском языке – это функция негативной характеристики человека. Немалая часть таких ориентализмов предстает в виде обидных слов и выражений. В известной работе Б. Цонева ‘История на българския език’ выделено тринадцать тематических групп ориентализмов, в одной из которых – в тематической группе ‘Прозвища (укорни)’ – представлено около ста слов [Цонев 1984 : 187–188].

Как показывает анализ, определенная часть ориентализмов усвоена болгарским языком с той же отрицательно-обидной семантикой, которую они имеют в турецком языке: *абдал* (тур. *abdal* – дурак, идиот) – дурень, болван, простофиля; *ахмак* (тур. *ahmak* – дурак, тупица, глупец) – дурак, болван, балда; *гамсъз* (тур. *gam* – горе, печаль, *gamsiz* беспечный – 1) безгорестный, беспечальный; 2) беззаботный, беспечальный) – беззаботный, беспечный; *душман* (тур. *düşman* – враг, неприятель) – враг, недруг, лиходей.

Некоторые татарские лексемы имеют такую же семантику, как и болгарские турцизмы, представляя, таким образом, болгарско-татарские аппроксиматы: болг. *ахмак* – тат. *ахмак*; болг. *гамсъз* – тат. *гамьсез* (беззаботный, беспечный); болг. *душман* – тат. *дошман* (враг, неприятель); болг. *кутсуз* – тат. *котсыз* (несчастный); болг. диал. *налет* – тат. *нагълэт* (проклятие).

У другой части болгарских ориентализмов отрицательно-обидная семантика появилась уже в болгарском языке в дополнение к имеющейся в оригинале. Укажем ее: *бабаит* (тур. *babayiğit* – богатырь, молодец), *разг.* крупный и сильный мужчина; силач, молодец), а также: о том, кто держит себя невоспитанно, грубо, некультурно, демонстрируя свою физическую силу, здоровье (но видно, что он не может претендовать на интеллигентность, образованность); *бояджия* (тур. *boya* – краска; *разг.* цвет, *boyacı* – красильщик) – 1) красильщик, 2) маляр; а также: о том, кто изменил убеждения, приспособляясь к обстоятельствам; неискренний, нечестный; без достоинства; ничтожный и жалкий человек. Вышеприведенные болгарские лексемы-турцизмы не имеют в татарском языке параллелей с подобной семантикой. Например, в татарском языке лексемы *буяу* – ‘краска’, *буяучы* – ‘красильщик’ употребляются без отрицательной обидной семантики.

Определенная часть ориентализмов болгарского языка, имеющих дополнительную семантику как обидную характеристику человека, представляет собой историзмы, отражающие период турецкого господства: *башибузук* (тур. *başıbozuk* – башибозук) – *ист.* башибозук, солдат нерегулярных частей турецкой армии; а также: тиран, грубый, бесчувственный, жестокий, бесчеловечный; *онбашия* (тур. *onbaşı* – ефрейтор) – *ист.* десятник (в турецкой армии); а также: очень злой, жестокий, невоспитанный, неуч, и др.

Будучи историзмами-ориентализмами, они вошли в интернациональный фонд тюркских языков, в том числе и в лексический фонд татарского языка, употребляясь в нем также и с обидной характеристикой (*гайдук, сатран* – грубый, жестокий начальник, руководитель).

Однако основную часть обидных ориентализмов в болгарском языке составляют те, которые не стали историзмами и значения у которых появились уже в болгарском языке на основе метафорических, метонимических и др. видов переноса с ориентацией на отрицательную характеристику черт человека, его поведения и внешности. Некоторые свойства, качества, функции предметов, явлений, людей, животных ассоциировались с определенными людьми – носителями подобных свойств, качеств, черт и исполнителями подобных функций. См.: тур. *gön* (выделанная кожа) – болг. *гьон* (толстая кожа для подметок или подошвы; толстокожий, бесчувственный человек); тур. *çükündür* (свекла) – болг. *чукундур* (тупой, грубый, бесчувственный человек) и др.

В татарском языке имеются лексические параллели-аппроксиматы некоторых данных болгарских турцизмов, но они употребляются без обидной семантики, а только в прямом значении. Исключением является лексема *шакал* (болгарско-татарская параллель *чакал* – *шакал*), которая употребляется, как и болгарская лексема, еще и в переносном значении: ‘хищный, алчный человек’.

Обидными ориентализмами в болгарском передаются такие отрицательные черты характера, как: глупость (*абдал* – дурень, болван, простофиля); жестокость (*караконджо, караконджол/караконджул* – жестокий; злой, бесчеловечный; *касапин* – грубый, жестокий, бесчеловечный); скаредность (*пинтия* – скряга, скупердяй); плутовство, ложь, нечестность, воровство (*ментарджия* – обманщик, плут, жулик; *пишман* – лживый, несостоявшийся, псевдо); мошенничество (*карагьозчия* – мошенник); лень, безделье (*дембел* – лентяй, лежебока); *хаймана* – бездельник, лентяй; *хайлаз(ин)* – лентяй, бездельник, лодырь); зависть (*къскантия* – завистник, соперник); вспыльчивость (*барутлия* – вспыльчивый человек, который сразу приходит в гнев, обижается без серьезных причин); сумасбродство (*баят* – сумасбродный, полупомешанный); капризность (*махнаджия* – привередник, придира, капризник); скандальность (болг. *кавгаджия*, тат. *гаугачы* – скандалист); склочность (*мюзевирин* – склочник, кляузник); сплетничанье (*чапрашник* – сплетник); хвастовство, болтливость (*фърфара* – хвастун, болтун); невежество, бескультурье (*калтак* – некультурный, малообразованный, простак); раболепство (*калфа* – раболепный человек); сводничество (*калтаба* – сводник); развратность (*зивендия* – безнравственная женщина; *пачавра* – развратная женщина; *шафрантия* – развратная женщина, проститутка; *куламбара* – педераст; *чекиджия* – онанист); пьянство (болг. *махмурлия*, тат. *макмыр*; болг. *сархош*, тат. *сархуш*; болг. *бекрия* – горький пьяница; болг. *къоркютюк* – мертвецки пьяным); неприглядная внешность (*фъстък* – человек маленького роста; *обран бостан* – женщина с маленьким бюстом); оскорбительные этнические прозвища (*арнаутин* – албанец, *манаф, читак* – турок; *мангал* – цыган; *потурченяк*, пренебр. – обращенный в ислам, отуреченный; *чифут* – еврей; и др.). Некоторые из них являются компонентами фразеологизмов: *арнаутска чушка* (букв. албанский стручок перца) – злой, придиристый, сварливый человек; *лот като арнаутска чушка* – злой как черт; *като чифутска чаршия*, *диал.* (букв. как еврейский базар) – все разбросано, беспорядочно; *като в чифутска авра*, *ирон.* – очень шумно и др.

Семантика ориентализмов – обидных слов и выражений в болгарском языке отнюдь не ограничивается приведенными выше примерами. Для анализируемых ориентализмов характерен неоднородный, расплывчатый семантический объем: *калпазан(ин)* – пакостник, злоумышленник, вредитель, бездельник, негодяй, прохвост, невоспитанный; *о детях*: шаловливый, непослушный; *катил* – преступник, хулиган; глупый, тупой; бесчувственный, грубый; простофиля; *чапкън* – бездельник; повеса; бабник; развратник.

Эта семантическая неоднородность, расплывчатость обусловлена, на наш взгляд, интуитивно-ассоциативным усвоением заимствованных слов, которые были в представлении болгарского народа номинациями того отрицательного, что наблюдалось им в жизни при господстве турков и контактов с ними.

Наделение турцизмов отрицательным, обидным смыслом объясняется также ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательное отношение к языку народа-поработителя. Сравнение болгарских турцизмов с соответствующими лексемами татарского языка показывает численное превосходство обидных болгарских турцизмов.

Обобщая наш материал о болгарских турцизмах, которые, с одной стороны, „сошли со сцены” болгарского лексического пространства, а с другой стороны – продолжают функционировать в новом качестве (как компоненты фразеологизмов, как словообразовательные и семантические дериваты, в том числе и в диалектной сфере), можно предположить, что здесь мы имеем дело со своеобразным проявлением закона сохранения “энергии” слова.

В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно, видимо, говорить о сохранении “энергии” некоторых турцизмов (устаревших или заново переосмысленных, замененных славянизмами/интернационализмами), ибо они продолжают функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка. Рассмотренная тенденция сохранения “энергии” слова (в нашем материале – турцизма) является, на наш взгляд, универсальной, специфически реализуясь в различных ситуациях: лингвистическая “энергия” турцизма сохраняется во фразеологизмах, словообразовательных и семантических дериватах, в диалектной сфере.

Экстралингвистический фактор, повлиявший на сохранение турцизмов в болгарском языке, проявляется в виде хронологического и аксиологического фактора.

Роль хронологического фактора заключалась в том, что турецкий язык в Болгарии имел статус господствующего языка на протяжении очень длительного периода (около пятисот лет), что, естественно, сказалось на болгарском языке, в котором появилось большое количество заимствований из турецкого языка.

Среди экстралингвистических факторов выделяется и аксиологический фактор, роль которого заключается в том, что в болгарском языке сохраняются те турцизмы, семантика которых отражает общечеловеческие ценностные (счастье, разум, деньги, шутка и др.) или антиценностные (беда, трудности, плохо, слепой и др.) представления, конвенционально закрепленные в языке.

Например, выражающий ценность счастья арабизм *късмет* (тур. *kismet* – 1) счастье, удача; 2) судьба, доля) – 1) счастье, везение, удача; счастливый случай; 2) судьба, участь в современном болгарском языке заменен словами: *щастие*, *съдба*, *орисия*, *сполука*.

Болгарская лексема *щастие*, являющаяся относительно частотным компонентом фразеологических единиц (*разковничето на щастие*то – залог счастья, *щастие*то ми се *усмихва* – счастье мне улыбается и др. – 9 ФЕ), этимологически восходит к праславянскому слову и объясняется исследователями так: *из др.-инд. su* – ‘хороший’ + *часть*, т. е. *щастие* – это ‘хорошая часть, хороший удел’ [Фасмер 1987: 816].

Болгарские лексемы *съдба* и *орисия*, *орис* (нар.-поэт.) отражают представления болгар о судьбе человека, которая связана, с одной стороны, с Божьим судом (*съдба* < *съд*

– суд), а с другой стороны – с поверьем о существовании мифических существ, определяющих судьбу новорожденного ребенка: *орисници, реченици, нареченици* (производные от глагола речи: *река* – сказать, напр. *речен* – сказанный). „Орисници, по верованиям болгар, – пишет С. М. Толстая, – записывают свои предсказания на голове ребенка. Считается, что эти знаки можно видеть (ими являются линии на стыках черепных костей), но никто не умеет их читать” [Толстая 1994: 145].

Сполука – означает ‘удача’, ‘успех’ (ср. с совр. русским словом, заимствованным из болгарского языка *благополучие*).

Все эти славянские лексемы являются также и компонентами фразеологизмов: *на произвола на съдбата* – на произвол судьбы; *пръст на съдбата* – перст судьбы (9 ФЕ). Единичны фразеологизмы с компонентом *орисия* и *сполука*: *зла орисия* – горькая доля; *добра сполука!* – счастливо!

Однако самое большое количество болгарских фразеологизмов семантической группы о счастье сформировано с неславянским компонентом-арабизмом *късмет* (25 фразеологизмов): *търся си късмета* – искать счастья / счастливой доли; *всеки с късмета си, погов.* – всякому свое счастье, у каждого своя судьба, кому что суждено; *имам късмет, разг.* – мне везет, у меня удача, мне счастье (привалило); *до късмет е, разг.* – как повезет с чем-либо, как улыбнется счастье; *излиза ми късметът, разг.* – 1) находить свое счастье, находить своего(ю) суженого(ую); 2) счастье улыбается; мне везет; *опитвам си късмета, разг.* – пытаться счастья, испытывать судьбу; *търся си късмета* – искать счастья / счастливой доли; и др.

Фразеологическую популярность лексемы *късмет* можно объяснить энергетикой этого слова, представляющего амальгаму двух сложных понятий: судьбы / доли и счастья. Это связано, видимо с тем, что *kismet* – судьба (араб. *kisma* – доля) изначально, коранически восходит к представлениям о действиях Аллаха, его решениях, предопределениях судеб людей. Но Всевышний, всемогущий судья, справедлив и милостив, поэтому справедливо дарит человеку лучшую долю – счастье (*kismet*). Как видно, в болгарском языке понятия судьбы и счастья передаются разными лексемами, в отличие от арабизма *късмет*.

В татарском языке счастье именуется ориентализмом персидского происхождения *бахет* (перс. *baht* – доля, судьба, рок), в болгарском языке лексема *бахт* считается устаревшей, зафиксирована в диалектах, например, в форме *бахтлия* – ‘счастливый’ и как компонент сильно устаревшего фразеологизма *днес бахт, заран тахт* (букв. сегодня счастье, завтра доска) – жизнь человека полна превратностей, в которых человек сам виноват.

Большую популярность в болгарском языке имеет ориентализм арабского происхождения *акъл* (‘ум’, ‘разум’, ‘рассудок’), отражающий общечеловеческое ценностное представление, конвенционально закрепленное в языке. Эта лексема выступает компонентом более шестидесяти фразеологизмов: *дигам се в акъла, разг.* – сто раз обо всем передумаю, и так и эдак прикину; *на акъл се уча, разг.* – учиться уму-разуму; *наливам акъл в главата / научавам на акъл* – наставлять уму-разуму; *нося акъл* – разг. быть умным; *имам акъл в главата, разг.* – иметь голову на плечах и др. Необходимо отметить, что в болгарском языке используются и славянизмы: *ум* (*зная си ума* – не терять головы, рассуждать трезво; *кроя в ума си* – прикидывать умом; *събирам / събера си ума* – братья за ум, и др., более ста фразеологизмов), *разум* (*без разум съм* – быть без ума от кого-л.; три фразеологизма), *разсъдък* (*загубвам разсъдъка* – терять рассудок), *глава* (*имам глава* – иметь голову на плечах; *поочукам / поочукам си главата* – братья за ум, и др.; более ста пятидесяти фразеологизмов). При таком обилии болгарских фразеологизмов со славянскими компонентами *ум, разум, разсъдък, глава* активное употребление фразеологизмов еще и с арабизмом *акъл* можно, видимо, объяснить узко-конкретным значением этого арабизма, повлиявшим на семантику ФЕ при их формировании. *Акъл* –

разум, рассудок, сдерживающий от непродуманных, опрометчивых поступков, решений, мыслей и т. п. от тур. *akıl*, из араб. *akl*, этимологически объясняемого как ‘цепь, которой скованы ноги злого духа, дива; див со скованными цепью ногами’. Эта семантика наличия или отсутствия определенного сдерживания, мыслительной селекции, просеивания, отбора отражена во фразеологизмах с компонентом *акъл*: *това ми е за акъл* (‘это мне впредь наука’), *сто акъла ще ми дойдат* (‘сто раз обо всем передумаю’; ‘и так и эдак прикину’), *викам си на акъла* (‘говорить самому себе’; ‘мысленно спрашивать себя’) и др., в то время как некоторые фразеологизмы с компонентом *ум* или *глава* остаются за пределами фразеосемантической группы „Ум”. Например, *притегля ума ми* – мне нравится кто-л., что-л.; душа лежит к кому-л., чему-л.’; *губя ума и дума* – язык отнялся; душа ушла в пятки; *зная наум* – знать наизусть. Подобная картина наблюдается и среди ФЕ с компонентом *глава*, в которых этот компонент не передает семантику вместилища мыслей, а выступает эквивалентом лексемы *жизнь* (*вземам главата* – убивать), *человек* (*смъртта е над главата ми* – близок конец жизни), *душа* (*изяждам главата* – выматывать душу, провалить) и др.

В татарском языке с компонентом *акъл* зафиксировано более восьмидесяти фразеологизмов (по данным словарей): *акылга кайту* – образумиться, одуматься; *акылга муафыйк* – мудрый совет; *акыл иясе* – ума палата; *акыллы баш*, ирон. – умник; *акыл теше чыккан* – опытный, умный человек; *акылы камил* – в здоровом уме; и др.

Самой употребительной в современном болгарском языке лексемой-ориентализмом является лексема *пари* (мн. ч. лексемы *пара* – ‘деньга’, ‘монета’, ‘грош’; перс. *pâre*; тур. *para* – деньги, монета) – деньги, что связано с ценностным представлением реалии, обозначаемой данной лексемой.

В современном же татарском языке в наименованиях денег сохранились древнетюркские основы лексем: *акча* (деньги); *сум* (рубль) от *сон*, *сом* – слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица и лексема *тиен* – копейка, мелочь, монета. Как видно, в этой лексической зоне о болгарско-татарских аппроксиматах говорить не приходится, хотя логично было бы ожидать их наличие.

По нашим наблюдениям, среди самых частотных выделяются фразеологизмы, своей семантикой указывающие на жизненно очень значимые представления человека – **о ценностях**: *акъл* (ум, разум, рассудок) – 66 фразеологизмов; *кеф* (кайф; настроение) – 18 фразеологизмов; *късмет* (судьба; счастье) – 25 фразеологизмов; *пара* (деньга, монета) – 25 фразеологизмов; *пари* (деньги) – 40 ФЕ фразеологизмов; *джоб* (карман) – 19 фразеологизмов; *кесия* (кошелек, кошелек, мошна) 18 фразеологизмов; *шега* (шутка) – 21 фразеологизмов; и **антиценностях**: *беля* (беда, несчастье, неприятность) – 17 фразеологизмов; *зор* (трудность, затруднение) – 11 ФЕ фразеологизмов; *къорав* (слепой), *къораво* (легкая нажива) – 10 фразеологизмов.; *лош* (плохой; подлый человек), *лошо* (плохо) – 40 фразеологизмов. Относительно лексемы *лош* исследователи разходятся во мнении. Некоторые считают ее заимствованием из турецкого, где *loş* имеет очень ограниченное значение (мрачный, темный, плохо освещенный). Другие выводят ее из других славянских корней.

Обобщая проанализированный материал, можно утверждать, что исследованные болгарско-татарские параллели-аппроксиматы неоднородны. Определенную часть турцизмов в болгарском языке составляют устаревшие с точки зрения современного болгарского языка турецкие заимствования, тогда как в татарском языке их параллели активно функционируют: болг. *байрак* (знамя, флаг) – тат. *байрак* (знамя, флаг); болг. *борч* (денежный долг) – тат. *бурьч* (1. долг; задолженность; 2. задача, обязанность, долг, повинность) и др.

Другая часть этих лексических параллелей активна как в болгарском, так и в татарском языке, о чем говорит количество фразеологизмов с компонентом-турцизмом и

словообразовательные гнезда. Ср. болг. *кавга* (ссора, брань, ругань), *кавгаджийка* (сварливая женщина, склочница, задира), *кавгаджийски* (сварливый), *кавгаджия* (сварливый человек, задира, склочник) – тат. *гауга* (1. шум, гам, галдеж, гвалт; 2. раздор, спор, скандал), *гаугалашу* (1. шуметь, галдеть; 2. ссориться, скандалять), *гаугалы* (1. шумный, беспокойный; 2. скандальный, спорный), *гаугасыз* (1. тихий, спокойный; 2. не связанный со скандалами), *гаугачан* (любящий поскандалить, склонный к скандалам), *гаугачы* (скандалист, крикун, крикливый человек), *гаугачыл* (любящий поскандалить), *гаугачыллык* (скандальность).

Отдельно следует отметить абсолютные несовпадения между болгарским и татарским языками в усвоении некоторых турцизмов, как например отмечающуюся уже лексему *пара/пари*.

Глубокое различие в семантическом освоении турцизмов в болгарском и татарском языках заключается в том, что в татарском языке эти лексемы не получают такой отрицательной коннотации, которая имеется у некоторых болгарских лексем-турцизмов, хотя значение обидной характеристики присутствует и в семантической структуре некоторых татарских лексем-аппроксиматов. Наделение в болгарском языке турцизмов отрицательным, обидным смыслом объясняется, на наш взгляд, ролью экстралингвистического фактора, раскрывающего отрицательный след в языковом сознании болгар через отношение к языку народа-пработителя.

Определенную часть болгарских турцизмов представляют лакунарные по отношению к татарской лексике единицы, которые своей семантикой раскрывают специфику культуры Болгарии, ее национальных традиций, ментальные предпочтения болгар, своеобразие ландшафта и т.д.

Основными факторами, способствовавшими сохранению и функционированию (порой активному) турцизмов в болгарском языке, являются хронологический и социолингвистический. Большую роль в этом процессе сыграли также лингвистический и аксиологический факторы. Лингвистический фактор связан с системно-уровневой организацией языка. В аспекте рассматриваемой проблемы пуристических тенденций по отношению к турцизмам болгарского языка и динамики языковых и исторических процессов, протекавших в болгарском языке и в самой Болгарии, можно утверждать: несмотря на то что часть турцизмов переместилась в разряд устаревших, замененных славянизмами или интернационализмами, она продолжает функционировать в другой форме, в другой сфере, на другом языковом уровне болгарского языка, сохраняясь в форме дериватов, в виде компонентов фразеологизмов, в виде семантических и словообразовательных неологизмов; с иной стилистической окраской и иной коннотацией, а также в другой (например, диалектной) сфере. Как видно, турцизмы совсем не исчезли, а приняли другую форму с другим содержанием. Таким образом, наблюдается тенденция своеобразного сохранения „энергии” слова.

Влияние аксиологического фактора связано с локусом турцизма в системе ценностей; аксиологически полярные лексемы-турцизмы, обозначая конвенциональные и ментально-культурные ценности и антиценности, не только сохраняются в болгарском языке, но и являются частотными.

Аксиологическая значимость указанной тенденции сохранения „энергии” слова заключается в том, что она сохраняет язык как систему, препятствуя появлению условий для языкового хаоса. А связанные с этой тенденцией языковые единицы становятся частью интернационального фонда.

Б и б л и о г р а ф и я

Байрамова 2007: Л. К. Б а й р а м о в а. *Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка (в сопоставлении с татарским языком)*. Казань, Алма-Лит, 2007.

- Венедиктов 1992: Г. К. В е н е д и к т о в. *Современный болгарский язык на стадии формирования: (проблемы нормализации и выбора диалектной основы)*. Москва, 1992.
- Ганчев, Георгиева 1994: Г. Г а н ч е в, А. Г е о р г и е в а. *Речник на обидните думи и изрази в българския език*. София, Наука и изкуство, 1994.
- Кошелев, Леонидова 1974: А. К. К о ш е л е в, М. Л е о н и д о в а. *Българско-руски фразеологичен речник*. София – Москва, Русский язык, 1974.
- Толстая 1994: С. М. Т о л с т а я. „Глаголы судьбы” и их корреляты в языке культуры. – *Понятие судьбы в контексте разных культур*. Москва, Наука, 1994, 143–147.
- Цонев 1984: Б. Ц о н е в. Турски думи в българский език. *История на българския език. Т. 1. А. Обща част. Б. Специални части*. София, Наука и изкуство, 1984, 177–191.